

24 ИЮНЬ 1983

Московский Комсомолец

г. Москва

● БАЛЕТ

ПРЕЛЕСТЬ НОВИЗНЫ

ЖИЗНЬ романтического балета предрешена современными исполнителями. От их таланта, школы, владения стилем, от их искренности и непосредственности зависит, увидится ли давняя история каждый раз по-другому...

Так увиделась «Жизель» в интерпретации Аллы Михальченко и Николая Федорова. Оба питают к ста-ринному шедевру нежную привязанность: мечтали станцевать свои роли, думали о спектакле с трепетом и затаенным страхом. Каждый готовил свою партию с исключительной тщательностью.

Серьезность сказалась в предельном внимании, в некоей благовейной пристальности передачи хореографического текста. Танец Михальченко сохранил эффектную широту, масштабность. Танец Федорова оставался, как всегда, изысканно-точным, радостно-легким.

Длинноногая, легокрылая, белокурая Жизель отлично смотрелась близ смуглого юного Альберта. И рядом с его соперником, тоже совсем юным Лесничим в умной и артистичной трактовке Гедиминаса Таанды. Обаяние дебюта заключалось в иллюзии непредсказуемости поступков персонажей. Молодые актеры словно впервые прожили и ощутили незабываемые мгновения биографии действующих лиц. Выполнив все канонически ненарушенные мизансцены, они заставили зал растрогаться, проникнуться симпатией к каждому душевному движению, воплощенному позой, жестом, танцем.

Подобная органика существования в спектакле позволила оправдать даже чисто импровизаторские штрихи. Красуясь перед подружками только что полученным роковым подарком, Жизель надевает одной из них свою обновку, критически осматривая ожерелье. В бесхитростной ее радости — вся новая Жизель с ее даром наслаждаться каждой секундой существования. От души, без маскарада, без ухищрений

обольстителя разделяет ее радости новый Альберт. И для него явление «официальной» титулованной невесты — такая же трагедия, как для невольно обманутой Жизели.

Сцена безумия разработана столь же детально, отшлифована заботливо, как любое соло или дуэт. Но есть здесь достижения куда более значительные, нежели просто скрупулезно, «на пятерку» разученный эпизод. Стойкая и гармоническая красота чувства у гробового порога дарует Жизели и прозрение, и ясность, и полный жизни и жажды жить бег, почти полет, к потрясенному Альберту. Кон-траст внезапного всплеска всех жизненных сил и сразу вслед за ним мертвенно оцепенения принадлежит, пожалуй, к самым мощным мгновениям сценического бытия Михальченко и Федорова.

Преисполненный чуткости, готовый откликнуться на каждое настроение балерины, Федоров был неизменно хорош в дуэте и вариациях второго действия.

Жизель сменила наряд крестьянки на воздушные туники. Альберт облекся в графески-роскошный траур. И оба исполнителя властно переменили и суть, и душу, и манеру танца. Царственно снисходит Жизель — Михальченко на землю из недостижимых, запретных для смертного высей. Но сквозь отрешенность ее интонаций пробивается лу-чезарная, земная любовь к избраннику.

ЗА ВСЯКИМ удачным дебютом всегда очерчиваются дали и перспективы. Что же увиделось в этих далях? Конечно, «Раймонда». Естественно, «Баядерка». Разумеется, «Корсар». Быть может, «Сильфида». И еще целая череда немеркнувших классических образов. Они возникли как обещание будущих побед. Верится, что судьба еще подарит Алле Михальченко и Николаю Федорову счастливые встречи с классикой.

Е. ЛУЦКАЯ